

доступность царя для солдат, трудно отнести к царям XVII века, окруженным строгим полудерковным дворцовым ритуалом, и особенно к бледной, инертной фигуре Михаила Федоровича; такая фраза гораздо более уместна по отношению к Петру.

Если статья на эту точку зрения — о принадлежности „Повести“ к XVIII веку, тогда легко объясняется и ошибка в имени такого известного для XVII века лица, каким был воевода Михаил Борисович Шеин. „Повесть“ называет его Федором Ивановичем. Почему взято именно это имя? Если мы обратимся к родословию Шеиных, то увидим, что у боярина Алексея Семеновича Шеина, главнокомандующего во втором азовском походе (1696), был племянник Иван Васильевич, а у последнего — сын Федор Иванович.¹ Судя по тому, что А. С. Шеин в 1671 году был уже стольником, а умер в 1700 году,² его внук мог быть уже взрослым человеком в начале XVIII века. Двор Шеиных находился на Ильинке между Воскресенской улицей и Введенским переулком,³ т. е. очень близко от дома Грудцыных, который был расположен на Воскресенской улице. Если считать, что „Повесть“ вышла из семьи Грудцыных или из круга, близкого к ней,⁴ то вполне вероятно, что автор, не зная имени боярина Шеина, воеводы в Смоленском походе, воспользовался известным ему именем его потомка, которого он знал или о котором во всяком случае слышал.

Правда, на это можно возразить: если это так, то почему же автор правильно передает имя другого боярина, жившего в то же время, когда жил и М. Б. Шеин? Если он не знал имени последнего, вследствие того что не был его современником, то почему же ему было известно имя Стрешнева, которое он называет совершенно правильно? Но, во-первых, и относительно Стрешнева автором „Повести“ допущена ошибка. Как заметил М. О. Скрипиль, автор „Повести“, правильно называя Стрешнева Семеном Лукьяновичем, титулует его боярином, тогда как во время Смоленской войны ему было всего 16—18 лет и боярский чин получен им только в 1655 году. Следовательно, и здесь налицо перенесение факта из более позднего в значительно более раннее время. Что же касается правильности имени Стрешнева, то оно могло быть хорошо известно автору, хотя он и не был современником описываемых событий. Дело в том, что Семен Лукьянович Стрешнев с 1657 года до своей смерти (1666) был начальником приказа Устюжской четверти⁵ — учреждения, которому была подведомственна значительная часть Поморья, именно те уезды, в которых находились владения Грудцыных. В руках автора, если он был близок к последним, могли находиться документы Грудцыных, в которых и сохранилось это имя. Оно вместе с именем царя, которое, конечно, не могли не помнить и значительно позднее его царствования, — единственные собственные имена исторических лиц, правильно переданные автором „Повести“ (если не считать неудачно помещенное имя Зимы Волкова, да и здесь автор называет только имя, без фамилии).

¹ П. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. IV. СПб., 1867; А. Н. Зерцалов. Московский Китай-город в XVII в. Чтения, 1893, кн. 2, стр. 8.

² О нем см.: Дворцовые разряды, т. III (дополнения) и т. IV.

³ С. Белокуров. Планы г. Москвы XVII века. М., 1898, стр. 24—25.

⁴ Имя героя повести „Савва“ встречается в кругах, близких к семье Грудцыных. Саввою звали гостя Мамотова — мужа сестры Василия Ивановича. Это же имя носил дворник Савва Семенов, живший в 1695 году во дворе В. И. Грудцына на Воскресенской улице в Китай-городе.

⁵ Русский биографический словарь, т. „Смеловский—Суворин“, СПб., 1909, стр. 584—588; С. К. Богоявленский. Приказные судьи. М., 1946, стр. 299.